

Пролог

Шотландия, 1100 год

Пробил смертный час.

Душа женщины Алека Кинкейда обрела наконец покой. Погода стояла мерзкая, и столь же мрачное выражение было на лицах людей, собравшихся на краю холмистой гряды — последнем пристанище несчастной.

Тело Елены-Луизы Кинкейд, молодой жены вождя, решением церкви должно было быть предано земле именно в этом мрачном месте, подальше от христианского кладбища, ибо она совершила один из самых страшных смертных грехов — лишила себя жизни. Черная душа подобна червивому яблоку, и ей не место среди чистых христианских душ, на которые распространится ее тлетворное влияние.

Дождь лил как из ведра, и представители клана, присутствующие на погребении, промокли до нитки. Тело самоубийцы, завернутое в черно-красный клетчатый плед, разбухло от дождя и с трудом вмещалось в сосновый гроб. Алек Кинкейд сам хоронил жену — остальные молча наблюдали.

В стороне от всех стоял старый священник, отец Мердок. Лицо его выражало страдание: Елена ушла без покаяния, без отпущения грехов. Он даже не мог прочесть над ней молитву, так как нет молитв, которые читают над самоубийцами. Церковь строго осудила Елену, и душе ее, уже сейчас стоящей на пороге ада, предстояло гореть в вечном огне.

«Мне приходится нелегко. Стоя неподалеку от священника, я стараюсь сохранить на лице подо-

бающее случаю выражение и шепчу молитвы. Я молюсь не о душе Елены, а о том, чтобы все поскорее закончилось.

Елена умирает тяжело и долго. Целых три дня она борется со смертью, и все эти дни я молюсь, чтобы она не пришла в себя и не раскрыла правду.

Жена Кинкейда перед смертью заставила меня хорошо помучиться. Пока она умирала, все в моей душе трепетало от страха. Чтобы прекратить эту пытку, я, уловив момент, накидываю плед на ее бледное лицо и тем самым способствую ее последнему вздоху.

Господи, какое облегчение я испытываю после ее смерти! От страха, что правда может выплыть наружу, я покрываюсь липким потом, от него деревенеет позвоночник, сжимается сердце.

Я изгоняю из себя этот страх, совершив убийство! Мне хочется петь от радости — кончено! Но я сдерживаю себя и ни словом, ни взглядом не выдаю своего торжества.

Сейчас все мое внимание сосредоточено на Алеке Кинкейде. Он стоит у разверстой могилы, безвольно опустив руки и склонив голову. Печаль или гнев наполняют его сердце? Как он относится к греховной смерти Елены? Жалеет ли ее? Кинкейд всегда хорошо умел скрывать свои чувства, и еще никому не удавалось заглянуть ему в душу.

Хотя какое мне дело до того, что чувствует сейчас Кинкейд? Время залечит его раны. Время будет работать и на меня — наступит момент, и я займу свое законное место.

Священник внезапно закашлялся сухим дребезжащим кашлем, и мой взор обратился к нему. Похоже, он собирается заплакать. Я в упор смотрю на него, и он постепенно берет себя в руки. В раздумье он качает головой, и я читаю все его мысли. Они написаны на его лице.

Женщина Кинкейда опозорила их род.

Мне хочется смеяться. Боже, помоги мне!»

Глава 1

Англия, 1102 год

Ходят слухи, что он убил свою первую жену.

«Возможно, она заслуживала того, чтобы ее убили». Такое неосторожное предположение позволил себе отец в присутствии дочерей. Как только слова эти сорвались с языка, барон Джеймисон понял, какую непростительную бестактность допустил, и горько пожалел о сказанном. Теперь дочери будут повторять: «А папа сказал...»

Однако три дочери барона не обратили внимания на слова отца, а поняли лишь одно: Алек Кинкейд — страшный человек.

Близнецы, Агнес и Алиса, по сложившейся с пеленок привычке, зарыдали в унисон, а их всегда такая спокойная сестра Мери в волнении зашагала по огромному залу, где за длинным овальным столом, тяжело склонившись над кружкой пива, сидел их пристыженный отец.

Близнецы продолжали рыдать, а кроткая Мери кружила по залу и вспоминала все сплетни, слышанные ею ранее об этом шотландском воине, прибытие которого ожидалось через неделю. Вольно или невольно, но своими рассказами она лишь добавляла масла в огонь — сестры зашлись в истерике, и их рыдания могли бы поднять даже мертвого из гроба.

Барон сделал неуклюжую попытку защитить шотландца, призвав на помощь все свое воображение. Он никогда раньше не встречался с Алексом Кинкейдом, сказал он, а знает о нем лишь по слухам, да и то нелестным. Но дочери продолжали рыдать, в очередной раз пренебрегая его мнением.

Барону еще никогда не удавалось повлиять на дочерей и призвать их к благоразумию, что, впрочем, до сегодняшнего дня его не очень-то и волновало. Но сейчас барон чувствовал, что должен показать характер, чтобы не выглядеть смешным в глазах непрощенных гостей, будь то шотландцы или кто другой.

Выпив третью кружку пива, Джеймисон собрался с духом и, стукнув кулаком по столу, решительно заявил, что все эти рассказы об убийстве шотландцем жены просто глупые сплетни.

Когда и это не возымело действия, он, почувствовав раздражение, заявил, что даже если все сплетни по сути своей есть правда, то и тут можно найти оправдание поступку шотландца: возможно, его жена вышла из повиновения и заслужила наказание.

Таким образом барону удалось привлечь внимание дочерей, но эффект от его слов, кажется, был прямо противоположен желаемому: на лицах его обожаемых ангелов появилось такое выражение ужаса, будто они увидели огромного змея, выползающего из его рта. «Похоже, они считают меня сумасшедшим», — подумал барон, глядя в округлившиеся глаза дочерей. Устав от тщетности своих попыток, Джеймисон закричал, что наверняка несчастная слишком долго испытывала терпение мужа и ему не оставалось ничего иного, как только убить ее. Таким образом отец решил преподать урок своим непослушным дочерям и вселить в их души уважение к отцу и страх перед Господом Богом.

И опять его попытки не увенчались успехом: близнецы продолжали рыдать так громко и отчаянно, что у барона разболелась голова. Он заткнул пальцами уши и беспомощно оглядел зал, но тут его взгляд встретился с горящим пристальным взглядом Мери. Последние

силы покинули его, и в порыве отчаяния барон позвал преданного слугу Германа, приказав по-

следнему привести свою четвертую, самую младшую дочь.

Седовласый слуга с радостью бросился исполнять приказание, шепча себе под нос, что это нужно было сделать давным-давно.

Прошло долгих десять минут, прежде чем Джейми появилась в зале. Барон просветлел лицом и со вздохом облегчения посмотрел на свою младшенькую. Уж кто-кто, а она-то ему поможет.

Джеймисон поймал себя на том, что не в силах сдержать улыбку — в присутствии Джейми просто невозможно оставаться сердитым. Девушка была такой очаровательной, такой веселой и симпатичной, что любой человек, взглянув на нее, моментально забывал все свои печали. Одним своим присутствием она вносила покой в сердца людей, и весь облик ее настраивал человека на светлые мысли. Красоту и мягкий характер Джейми унаследовала от матери. Длинные, цвета воронова крыла, волосы еще больше подчеркивали своеобразие фиалковых глаз, и любой, заглянув в них, вспоминал, что в природе существует весна. Кожа девушки была такой же нежной и чистой, как и ее сердечко.

Барон бесконечно любил всех своих дочерей, но Джейми он особенно гордился, несмотря на то что в ее жилах не текла его кровь. Мать Джейми, вторая жена барона, должна была вот-вот разрешиться от бремени, когда он взял ее в жены. Отец Джейми пал в сражении спустя месяц после свадьбы.

Барон Джеймисон удочерил девочку и крепко-накрепко наказал всем сохранить эту тайну. Он полюбил новую дочку всем сердцем, всеми фибрами своей души, как только взял ее на руки.

Джейми была самой младшей и самой прекрасной из четырех ангелов барона. Близняшки и их сестра Мери были по-своему красивы, но красота их не

бросалась в глаза, и требовалось время, чтобы увидеть ее. Что же касается малышки Джейми, то ее прелесть западала в душу сразу и навсегда. Ее тихая улыбка приводила мужчин в трепет, а рыцари просто выпадали из седла, когда видели ее, чем часто, развлекаясь, пользовался барон.

Между девочками не существовало ревности; и Агнес, и Алиса, и Мери прислушивались к советам младшей сестренки. Так же, как и отец, они во всем полагались на нее.

С раннего детства Джейми стала истинной хозяйкой дома, проявив в этом качестве немалые способности. Барон, во всем любивший порядок, но не обладавший даром поддерживать его, дал полную свободу младшей дочери, и она еще ни разу его не подвела.

С самых пеленок Джейми никогда не плакала, и он часто думал, что близняшкам не мешало бы поучиться у нее. Агнес и Алиса безутешно рыдали по поводу и без, и Джеймисон иногда ловил себя на мысли, что ему жаль их будущих мужей. Ведь иметь таких чувствительных жен — сущее наказание!

Но больше всего барона беспокоила Мери — уж слишком она была самоуверенной. Она всегда противопоставляла себя сестрам и считала свои желания выше всего. Но — вот ужас — она совсем не считалась так же и с отцом, а это уже большой грех.

Мери была большой интриганкой, что служило причиной для многих ссор. Ей нравилось вносить смуту в семью, и она делала это с толком и большим удовольствием. А еще у барона было подозрение, что его любимица Джейми часто подстрекает сестру на неблагоприятные поступки, но он никогда не осмеливался высказывать подобные мысли вслух, боясь испортить отношения с самой обожаемой дочерью.

Да, Джейми была самой любимой, самой близкой его сердцу, но тем не менее барон отчетливо

видел и все ее недостатки. У нее был твердый характер и вспыльчивый нрав, который, к счастью, редко проявлялся. Джейми унаследовала от матери дар лечить людей. Барон запрещал ей заниматься врачеванием, но дочь не слушалась и помогала людям чем только могла. Сервы и прислуга часто обращались к ней за помощью, тем самым отвлекая Джейми от ее прямых обязанностей — угождать отцу, создавать ему всевозможные удобства. Посередине ночи ее могли вытащить из постели — наложить повязку на ножевую рану или способствовать появлению новой жизни. Барон не возражал против ее ночных бдений, так как в это время он крепко спал и не испытывал никаких неудобств, но в дневное время отсутствие дочери приносило ему немало неприятных минут, особенно когда приходилось подолгу ждать обеда из-за того, что Джейми в это время ухаживала за больным или раненым.

Барон тяжело вздохнул. Занятый своими мыслями, он не заметил, что крики близняшек поутихли — Джейми успела успокоить их. Сделав знак слуге снова наполнить кружку, Джеймисон стал с интересом наблюдать, как его любимица приводит сестер в чувство.

Как только Джейми вошла в зал, Агнес, Алиса и Мери бросились к ней и стали наперебой пересказывать сестре свою версию услышанного.

Джейми ничего не поняла из сбивчивых рассказов сестер.

— Давайте сядем за стол рядом с папой, — предложила она, — и всей семьей обсудим сложившуюся ситуацию.

— Это вовсе не ситуация! — закричала Алиса, вытирая слезы. — Я просто не знаю, как это назвать. Право, не знаю, Джейми.

— Во всем виноват папа, — заключила Агнес, усаживаясь за стол и бросая на отца сердитые взгляды. — Во всем, как всегда, виноват только он.

— При чем здесь я? — жалобно спросил барон. — Я просто выполняю волю короля, вот и все. Так что перестаньте смотреть на меня так сердито, мисс.

— Папа, пожалуйста, успокойся, — попросила Джейми, с нежностью погладив руку отца. Она взглянула на Мери:

— Мне кажется, ты здесь самая спокойная. Агнес, перестань всхлипывать, а то я ничего не услышу. Пожалуйста, Мери, объясни, что случилось?

— Папа получил послание от короля Генри, — ответила Мери. Она поправила локоны и, положив локти на стол, продолжила: — Похоже, наш папа опять расстроил короля.

— Расстроил? — вмешалась Алиса. — Да он просто вне себя от гнева!

Рассказчица кивнула и уточнила:

— Папа не уплатил подати. — Мери бросила на отца сердитый взгляд.

— И король решил наказать его в назидание другим.

Близнецы захныкали. Джейми тяжело вздохнула.

— Пожалуйста, продолжай, Мери, — попросила она. — Расскажи мне все по порядку.

— Ну так вот, король Генри женился на шотландской принцессе... Как ее звать, Алиса?

— Матильда.

— Ах да, Матильда. Как я могла забыть имя нашей королевы?

— Я не удивляюсь, что ты его забыла, — сказала Агнес. — Папа так редко приглашает сюда важных гостей, а мы не бываем при дворе. Живем в уединении, как прокаженные. Никуда не ездим, и к нам никто...

— Агнес, не отвлекай Мери, — прервала сестру Джейми. — Пожалуйста, продолжай.

— Мне кажется, что король решил выдать нас всех замуж за шотландцев, — заключила Мери.

Алиса покачала головой:

— Нет, Мери, не всех, а только одну. Варвары придут сюда, чтобы выбрать себе невесту. Боже, какое унижение!

— Унижение? — переспросила Мери. — Нет, здесь совсем другое. Та, которую выберут, обречена на смерть, Алиса. Если человек убил одну жену, что помешает ему убить и вторую? А это, дорогая сестра, уже похуже, чем унижение.

— Что? — закричала Джейми, явно напуганная такими речами.

— А я слышала, его первая жена сама покончила с собой, — сказала Алиса, не обращая внимания на крик Джейми.

— Папа, как ты мог? — закричала Мери, сжимая кулаки и вот-вот готовая пустить их в ход. — Ты прекрасно знал, что король рассердится из-за неуплаты подати. Почему ты не подумал о последствиях?

— Пожалуйста, не кричи так громко, — попросила Джейми. — Криками делу не поможешь. Мы все прекрасно знаем, что наш папа очень забывчив. Я уверена, и на этот раз он просто забыл послать деньги. Ведь так, папа?

— У меня их нет, — прошептал барон.

— О боже, — простонала Алиса. — Он все потратил!

Джейми подняла руку, прося тишины.

— Мери, пожалуйста, успокойся, — попросила она, — а то и я начну плакать.

— Ты должна понять, Джейми, как трудно нам теперь оставаться спокойными, — ответила Мери. — Однако ты права, нужно взять себя в руки и рассказать тебе все по порядку, иначе ты ничего не поймешь.

Мери распрямила плечи. Джейми захотелось стукнуть ее, чтобы ускорить разгадку сей тайны,

но она хорошо знала, что этим ничего не добьешься. Сестра имела привычку напускать на себя ужасную важность.

— Ну так что? — спросила она Мери.

— Как я поняла, этот варвар придет сюда на следующей неделе, чтобы выбрать себе среди нас вторую жену. Среди нас — это я, Агнес и Алиса, — твое имя в письме короля не упомянуто. Ты понимаешь, в каком мы ужасе, зная, что он убил свою первую жену?

— Я считаю, он не убивал жену, — вмешалась Алиса. — Повар говорит, она сама себя убила. — Девушка перекрестилась.

Агнес покачала головой:

— А я верю, что ее убили. Зачем ей убивать себя и гореть в вечном огне? Каким бы плохим ни был ее муж, это все равно лучше, чем ад.

— Может быть, с ней случилось какое-то несчастье? — предположила Алиса.

— Возможно, — допустила Мери, пожав плечами. — Ведь эти шотландцы такие неуклюжие!

— А вы так и готовы подхватить любую сплетню, — перебила сестер Джейми. — Мери, объясни, пожалуйста, что ты подразумеваешь под словами «выбрать жену»? — Джейми вся дрожала от ужаса, хотя и старалась сохранять спокойствие.

— То и подразумеваю — выбрать невесту. Ты что, не слушаешь меня, Джейми? Нашего согласия никто не станет спрашивать, он ткнет пальцем в любую из нас — и все!

— Нас будут водить как лошадей, по кругу, а это чудовище будет нас оценивать... — слезливым голосом заметила Агнес.

— Да, я совсем забыла, — закричала Мери, — король Шотландии, Эдгар, очень заинтересован в этом

12 браке, Джейми! Так сказал папа.

— И может быть, лорд просто выполняет волю своего короля, а сам и не помышляет о женитьбе? — предположила Алиса.

— Боже, как я не подумала об этом, — заплакала Агнес. — Ведь если он не захочет жениться, то сможет убить свою невесту еще по дороге домой!..

— Агнес, перестань плакать и теревить волосы, — попросила Джейми. — У тебя скоро будет лысина. Ты ведь не знаешь, что там случилось на самом деле. Возможно, он вовсе никого и не убивал.

— Его зовут Кинкейд, Джейми, и я уверена, что он убийца. Папа сказал, что он забил ее до смерти, — ответила Агнес.

— Ничего подобного я не говорил! — закричал барон. — Я просто предположил...

— Эммет рассказал нам, что он сбросил ее со скалы, — вмешалась Мери. Постукивая костяшками пальцев по столу, она наблюдала за реакцией Джейми.

— Эммет всего лишь конюх и отъявленный бездельник, — возразила та. — Не понимаю, почему ты слушаешь его глупую болтовню?

Джейми глубоко вздохнула, стараясь унять боль в желудке. Страхи сестер передались ей, и она почувствовала тошноту. По телу побежали мурашки. «Надо взять себя в руки, — решила она, — иначе они расплачутся».

Сестры доверчиво смотрели на Джейми, надеясь, что уж она-то найдет правильное решение. Они переложили свои страхи на ее хрупкие плечи и сейчас с надеждой взирали на нее.

Джейми во что бы то ни стало нужно было оправдать надежды сестер.

— Папа, нельзя ли как-нибудь задобрить короля? — спросила она отца. — Можешь ли ты уплатить подати, послав ему больше денег, чем требуется? Возможно, таким образом нам удастся смягчить его гнев.

Барон покачал головой и сказал:

— Для этого мне придется обложить сервов новыми податями, а они этого не выдержат. Ты ведь знаешь, Джейми: урожай был плохим, у них ничего нет. Я не могу потребовать от них невозможного.

Джейми согласно кивнула, стараясь не выдать своего разочарования. Она надеялась, что у отца осталось хоть немного денег, но его ответ подтвердил самые худшие ее предположения.

— Эммет сказал, что папа потратил все деньги, — прошептала Мери.

— Эммет хуже старой сплетницы, — заметила Джейми.

— Вот именно, — кивнул барон. — Тоже мне правдолюбец! Нечего обращать внимание на его дурацкие разговоры.

— Папа, а почему король исключил меня? — спросила Джейми. — Он что, забыл, что у тебя четыре дочери?

— Нет, нет, — поспешно ответил барон, опуская глаза, чтобы младшая не прочитала в них правды: в послании короля говорилось о всех дочерях, но барон, боясь расстаться с самой любимой из них, сам сделал выбор. — Король назвал только дочерей Матильды, — пояснил барон.

— Как странно! — заметила Агнес, вытирая слезы.

— Возможно, король решил, что Джейми слишком молода? — предположила Мери. И, пожав плечами, добавила: — Хотя, кто знает, что у короля на уме? Благодарю Бога, Джейми, что тебя нет в списке. Если бы выбор пал на тебя, ты не смогла бы выйти замуж за Эндрю.

— Наверное, причина в этом, — вмешалась Агнес. — Барон Эндрю очень могуществен, и все его уважают.

Должно быть, он убедил короля не трогать Джейми.

14 ми. Всем известно, как барон любит нашу Джейми.

— Может быть, и так... — прошептала Джейми. — Если Эндрю и в самом деле так могуществен, как он о себе рассказывает...

— А мне кажется, сестрица вовсе не хочет выходить замуж за Эндрю, — шепнула близняшкам Мери. — И не смотри на меня так сердито, Джейми, я знаю: он тебе ни капельки не нравится.

— Зато он нравится папе, — заметила Агнес, бросая осторожный взгляд на отца. — Готова поспорить, что Эндрю согласится жить здесь, чтобы только Джейми не разлучалась с папой и продолжала вести хозяйство.

— Пожалуйста, Агнес, прекрати! — попросила Джейми, строго глядя на сестру.

— Что плохого, если Джейми останется со мной после замужества? — спросил барон. — Не понимаю!

— Ты никогда ничего не понимаешь, — прошептала Мери.

— Думайте, что говорите, молодая леди! — закричал барон. — Я не допущу такого неуважения!

— Я знаю истинную причину, — заявила Алиса, — и сейчас расскажу о ней. Эндрю дал папе за тебя выкуп, сестра, и он...

— Что ты сказала?! — вскричала Джейми, чуть не свалившись со стула. — Ты ошибаешься, Алиса. Рыцари не платят выкупа! Папа, ты брал у Эндрю деньги? Ответь!

Барон молча пил пиво. Наступила тишина.

— О боже, — прошептала Мери. — Ты думаешь, что говоришь? Если это правда, значит, папа просто продал Джейми барону Эндрю.

— Мери, не повторяй глупостей вслед за Алисой, ты ведь обижаешь Джейми, — подал голос барон.

— Я не говорила, что папа продал Джейми барону, — заметила Алиса.

— Нет, говорила, — настаивала Мери.